

Относительная недействительность и оспоримость сделки

Научный руководитель – Щербаков Александр Александрович

Иванов Егор Михайлович

Студент (бакалавр)

Московский государственный институт международных отношений, Международный институт энергетической политики и дипломатии, Москва, Россия

E-mail: ivanov.olimp03@mail.ru

Российская дихотомия в рамках системы недействительности сделок является «аномальным» исключением из общеконтинентальной традиции, которая исходит из другой дихотомии - абсолютная-относительная недействительность. В попытках отождествить две системы высказываются мнения об аналогичности оспорим сделок относительно недействительным, что является, однако, ошибочным упрощением [1, С. 115].

Безусловно, помимо очевидного аспекта последствий любой недействительности в виде реституции по общему правилу сближение категорий оспоримости и относительной недействительности имеет место: относительно недействительные сделки во французском праве, как и оспоримые в российском, производят те последствия, которые желали стороны в отсутствие соответствующего заявления стороны сделки [2, С. 190 - 191]. Более того, законодатель в п. 4 ст 166 ГК в ходе реформы «бросил кость» для развития именно континентальной дихотомии, введя категорию публичного интереса, которая затем должна применяться в рамках ст. 168 и 169 ГК, которая влечет возможность вмешательства суда *ex officio*.

Однако заслуживает безусловной поддержки позиция, согласно которой невозможно свести французскую дихотомию недействительности к российской оспоримости и ничтожности сделки [3].

Прежде всего, общее правило, из которого исходит континент, состоит в том, что относительная недействительность защищает частные интересы, а потому о ней могут заявлять строго определенные лица [5, Р. 176]. При определенном прочтении норм ГК можно обнаружить, что законодатель посредством реформы ограничил круг лиц, имеющих право заявлять о недействительности оспоримой сделки, что приближает ее к относительно недействительной (п. 2 ст. 166 ГК). Однако на уровне судебной практики для любого оспаривания обязательно наличие материально-правового интереса в оспаривании (например, Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.09.2022 N Ф01-4266/2022 по делу № А82-18065/2021), что нивелирует континентальный критерий частного интереса.

Показательным является сравнение договора с живым организмом во французской доктрине. Если условия, необходимые для существования договора, присутствуют, но есть дефект - например, волеизъявление поражено ошибкой, обманом или насилием, или оно дано недееспособным лицом - договор просто «болен» и, следовательно, излечим, поскольку только относительно недействительная сделка может быть подтверждена [4, 647]. В российском же праве любой порок недействительной сделки может быть подтвержден, что выводится из п. 5 ст. 166 ГК с помощью принципа эстоппель (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.10.2023 N 308-ЭС23-11711 по делу № А32-29863/2016).

В действительности, в п. 5 ст. 166 ГК при определенном прочтении, исключая аспект недобросовестности, появившийся в п. 70 Постановления № 25, можно увидеть концепцию относительно недействительной сделки в практическом ее проявлении. За счет создания законных ожиданий сторон сделки в ее действительности лицо лишается ссылки на

недействительность сделки, то есть сделка в обороте для всех третьих лиц действительна, поскольку они разумно на это полагаются, но для конкретного лица, чьи интересы нарушены (другая сторона сделки), она недействительна по его волюнтаристскому желанию. Например, покупатель по договору, которым отчуждена чужая вещь, создал видимость наличия титула и действительности отчуждения, поэтому на основании п. 5 ст. 166 ГК будет лишен права на ссылку на недействительность такого договора.

Наконец, в то время, как в российской системе существует разный режим исковой давности для ничтожных и оспорим сделок, континентальные правовые порядки исходят из единства исковой давности для любых режимов недействительности (например, во Франции она составляет 5 лет с момента начала исполнения сделки). В российском праве эта проблема остро ощущается еще и в связи со стандартом добросовестности, который предъявляется законом в отношении начала течения срока исковой давности по оспоримым сделкам (п. 2 ст. 181 ГК). Введение такого стандарта для третьих лиц, заявляющих о ничтожности сделки, кажется обоснованным, поскольку в определенной степени решает проблему повсеместного оспаривания. Однако в отношении стороны оспорило сделки такое положение дел спорно: потенциально «угнетенная» сторона в силу презумпций может оказаться лишенной права на защиту.

Подводя итоги, российская система недействительности сделок представляет собой некую переходную модель на пути к общеевропейской: несмотря на фундаментально теоретические и некоторые практические различия режима оспоримости и относительной недействительности, практическое достижение идентичных правовых последствий возможно.

Источники и литература

- 1) Касаткин С.А. Относительная недействительность сделки в гражданском праве РФ. *Хозяйство и право*. 2015. № 7.
- 2) Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007.
- 3) Церковников М.А. «Ответственность продавца в случае изъятия товара у покупателя». Статут. 2016. СПС «Консультант Плюс».
- 4) A. Posez, « La théorie des nullités, le centenaire d'une mystification », *RTD civ.* 2011.
- 5) F. Terré, P. Simler, Y. Lequette, F. Chénéde. *Droit civil. Les obligations*. 2019 12e edition. Éditions DALLOZ. Paris.